

Алексея I (в частности, он датирует смерть Андроника примерно 1130/31 г. — р. 34), о севастократоре Андронике Комнине, сыне Иоанна II, о Григории Каматире, Иоанне Аксухе, Константине Айофеодорите и некоторых других. Интересно прямое свидетельство Италика (стр. 72. 18—19) о происхождении патриарха Михаила Куркуаса из Армении (стр. 53). К сожалению, информация Италика обычно слишком скудна, чтобы расширить наши знания об этих людях, и, может быть, следовало ограничиться отсылкой к литературе вопроса. Как ни странно, соответствующая литература приводится в книге неполно и, как мне кажется, несколько односторонне (в основном работы школы В. Лорана).

Так, об Андронике Комнине Младшем см. прежде всего K. Heilig. *Ostrom und das Deutsche Reich um die Mitte des 12. Jh.* — «Kaisertum und Herzogsgewalt im Zeitalter des Friedrichs I». Stuttgart, 1952, S. 255 f.; Б. Ферянчић. Севастократори у Византији. — ЗРВИ, 11, 1968, стр. 158 и сл. О его жене Ирине см. В. Г. Васильевский. О севастократориссе Ирине. — ЖМНП, 285, 1893, стр. 183—185. Стихи Продрома на рождение их сына Алексея изданы: А. П. Каждан. Два новых византийских памятника XII столетия. — ВВ, XXIV, 1964, стр. 79—83. Кстати, я сомневаюсь, что Алексей, бывший протостратором, находился при Мануиле I «на втором плане», как пишет Готье (стр. 37, прим. 20).

О Григории Каматире см. В. С. Шандровская. Григорий Каматир и его печать в собрании Государственного Эрмитажа, — ВВ, XVI, 1959, стр. 173—182. Отождествление его с сыном Василия Каматира и с Каматиropулом (р. 39) отнюдь не бесспорно.

Об Айофеодоритах (р. 50, п. 9) см. А. П. Каждан. Братья Айофеодориты при дворе Мануила Комнина. — ЗРВИ, 9, 1966, стр. 85—94, где использован ряд неизданных текстов, и в частности свидетельство об эпархе Иоанне (Айофеодорите), не известном Готье.

Издатель справедливо говорит о скудости данных, содержащихся в сочинениях Италика. То, что можно собрать в них относительно политической истории царствования Иоанна II (1118—1143), Готье сделал в вводной статье и в комментарии. Он мог бы привлечь в этой связи также мою статью «Еще раз о Киннаме и Никите Хониате» (BS, 24, 1963, р. 4—31), где уточняется ряд дат и дается (на основании рукописной традиции Хониата) новая трактовка отношения Иоанна II к «геройству» Мануила под Неокесарией (о чем подробно пишет Италик — см. стр. 286 и сл.). Для датировки похода Иоанна II в Сирию важно письмо, изданное S. D. Gotein. *A Letter from Seleucia (Syria)*. — «Speculum», 39, 1964, № 2, р. 300, откуда следует, что Антиохия была взята к июлю 1137 г.

Кое-что можно было бы найти в сочинениях Италика и для изучения внутренней истории Византии. Он довольно подробно говорит о красильном деле (стр. 111. 25—27), упоминает проноитов (стр. 94. 22), которые в его представлении, подобно логариястам, ведают доходами или расходами средств. Более существенны те данные, которые рисуют духовную жизнь византийских интеллигентов, их «умственное застолье», на котором подают «оленья по-философски и зайца физиологического», как говорит Италик (стр. 156. 2—8). Особенно интересно в этой связи его послание к Ирине Дукене, вдове Алексея I, чьим «рабом» он сам себя называл (стр. 269. 19—20). В этом послании Италик развивает идею активной роли ученого, который воздвигает города и строит дома, упорядочивает нравы и благоустраивает людскую жизнь (стр. 93. 8—9). Ты обвиняешь философов, говорит он, в том, что они далеки от всего земного (стр. 94. 17—18), а на самом деле они всё понимают лучше логариястов и проноитов, не владеющих ни счетом, ни геометрией. Если ты сведешь меня со звезд, я установлю законы и справедливость (р. 95. 7—10). Может быть, именно под этим углом зрения, в аспекте истории общественной мысли, и надо было бы изучать Италика?

Готье сделал большое дело, собрав воедино, тщательно издав и прокомментировав скудное наследие византийского ученого и оратора. Если бы он, чуть помедлив, учел работу неаполитанской школы и с несколько большим уважением отнесся к своим предшественникам, его труд только выиграл бы.

А. К.

J. L. van Dieten. *Niketas Choniates. Erläuterungen zu den Reden und Briefen nebst einer Biographie.*

— «Supplementa byzantina», Bd. 2. Walter de Gruyter.
Berlin, New York. 1971, S. X+194 S.

Подготовка давно обещанного собрания сочинений Никиты Хониата постепенно подвигается к желанной цели. В 1970 г. Я.-Л. ван Дитен выпустил книгу, содержащую характеристику богословского сочинения Хониата — «Догматического всеоружия»¹, затем вышел рецензируемый комментарий к речам и письмам. По всей види-

¹ J. L. van Dieten. *Zur Überlieferung und Veröffentlichung der Panoplia Dogmatike des Niketas Choniates.* — «Zetemata byzantina», H. 3. Amsterdam, 1970.

мости, греческий текст речей и писем уже подготовлен и в ближайшее время следует ждать его публикации (как известно, немецкий перевод речей и писем Хониата, выполненный Ф. Граблером по подготовленному ван Дитеном тексту, был издан уже в 1966 г.)².

Книга состоит из двух самостоятельных частей. Первая — биография Никиты Хониата, описанная с максимальной подробностью и с очень большой осторожностью. Скучные сведения о крупном византийском историке тщательно собраны, точки зрения предшествующих ученых детально анализируются, датировки отдельных событий проверены и уточнены. Один пример: Г. Штадтмюллер, автор последней биографии Никиты Хониата, относит рождение писателя примерно к 1150 г., обосновывая дату лишь краткой отсылкой к одному туманному свидетельству Михаила Хониата.³ Ван Дитен разбирает этот вопрос на трех страницах (стр. 18—20): от отмечает разногласия исследователей, устанавливает год смерти Никиты и продолжительность его жизни и уже на основании полученных цифр приходит к выводу, что Никита родился в 1155/57 г., примыкая к датировке Ф. И. Успенского, о которой Штадтмюллер даже и не упомянул.

Позволю себе несколько дополнений к приводимым ван Дитеном данным.

Стр. 6 и сл. Ван Дитен предлагает остроумное объяснение патронима Акомнат, приписанного Никите Иеронимом Вольфом. По мнению ван Дитена, патроним мог возникнуть из ошибочной заметки в латинском каталоге, где «История» Никиты называлась «A Comninatibus usque ad Angelos» («От Комнинов до Ангелов») — и непонятное A Comninatibus (или A Comninatis) могло превратиться в Акомината. Однако существование патронима Акоминат засвидетельствовано грамотами — правда, лишь около 1600 г.⁴, и это обстоятельство, не известное ван Дитену, осложняет проблему.

Стр. 8—15. Ван Дитен собирает скудные сведения о роде Никиты Хониата. В этой связи следовало бы привлечь помету 1199 г. на рукописном фрагменте из собрания Ленинградской Публичной библиотеки им. Салтыкова-Шедрина, где говорится о Михаиле Хониате, его брате Константине и их женах — Анне и Πηγά. Михаил (явно не старший брат Никиты, ибо тот, митрополит, не мог быть женатым) подарил богородичному храму в деревне Педзии книгу «Пролог»⁵.

Стр. 23. Ван Дитен (как и Штадтмюллер) относит начало службы Никиты к «понтийским областям», к Пафлагонии. Однако заключение это не бесспорно. Уже Ф. И. Успенский, не аргументируя своей мысли, предположил, что письмо Михаила Хониата к Пигониту, которое исследуется в данной связи ван Дитеном, помещало Пигонита (и подчиненного ему Никиту Хониата), «в одной из соседних с Русью областей»⁶. В самом деле, Михаил Хониат заявляет, что Пигонит находится вблизи от гипербореев и посещает области Понта, известные в древности дурным обращением с чужеземцами, что по другую сторону пролива от него лежит Тавроскифия. «Негостеприимный Понт» — в античной традиции Таврика, и я старался показать, что Пигонит и Никита осуществляли свои функции на Боспоре Киммерийском⁷. Моя работа, однако, осталась ван Дитену неизвестной.

Стр. 28, прим. 29. Ван Дитен с полным основанием скептически относится к попытке Штадтмюллера атрибутировать Никите Хониату печать Никиты (без патронима!), протоспафария, начальника китона, судьи Ипподрома и претора Адрианополя. Решающий аргумент, однако, не приведен исследователем: титул протоспафария не пережил XI столетия, и Хониат в конце XII в. не мог носить его. По этой же причине нельзя идентифицировать с писателем и владельца другой печати — протоспафария и начальника *σχηματο* Никиту Хориата.

Очень тщательно восстанавливает ван Дитен послужной список Хониата, используя для этого, в частности, леммы к его речам. Попутно он характеризует те должности, которые занимал Никита. Вряд ли нужно было это делать: история византийской администрации — сложная и не всегда разработанная тема, и нет ничего удивительного, что в характеристиках ван Дитена встречаются погрешности. Так, он говорит на стр. 38, что должность логофета секретов была весьма высокой и большинством этих логофетов приходилось зятьями императору; однако, насколько я знаю, из 8 извест-

² F. Grabler. Kaisertaten und Menschenschicksale im Spiegel der schönen Rede.— «Byzantinische Geschichtsschreiber», Bd. XI. Graz, Wien, Köln, 1966. Пока эта аннотация печаталась, греческий текст был издан. Рецензия на него будет опубликована в одном из ближайших номеров ВВ.

³ G. Stadtmüller. Zur Biographie des Niketas Choniates.— «Byzantinische Forschungen», Bd. I, 1966, S. 321.

⁴ См. об этом: O. Lampsidis. Nochmals der Name AKOMINATOS.— ВЗ, 64, 1971, S. 26 f. Работа O. Лампсидиса появилась одновременно с книгой ван Дитена.

⁵ E. Э. Гранстрем. Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ.— ВВ, XXIII, 1963, стр. 174, № 324.

⁶ Ф. Успенский. Неизданные речи и письма Михаила Акомината.— ЖМНП, 1879, январь, стр. 390.

⁷ А. П. Каждан. Византийский податной сборщик на берегах Киммерийского Боспора в конце XII в.— Сб. «Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран». М., 1963, стр. 97—101.

ных нам логофетов секретов времени Комнинов и Ангелов только один Михаил (внучатый племянник Кирулария) был зятем царя.

Говоря о конце жизни Никиты, ван Дитен справедливо отмечает, что в Никее тот уже не играл политической роли (стр. 48); это нужно подчеркнуть, поскольку и по сей день встречаются предположения, что писатель оставался в ту пору великим логофетом⁸.

Скудность прямых сведений о жизни Никиты Хониата препятствует восстановлению его биографии. В самом деле, что знаем мы о нем, кроме нескольких дат, названий должностей и глухих известий о его семейной жизни и дружеских связях? Возникает вопрос о возможности привлечения косвенных сведений, которые могут пролить какой-то свет на жизненный путь историка. Под косвенными сведениями я понимаю такие свидетельства «Истории», которые не относятся непосредственно к Хониату, но в силу своей субъективной окрашенности освещают его личность. География Хониата субъективна: она концентрируется, с одной стороны, вокруг Хон и долины реки Меандр, его родины, а с другой — вокруг Филиппополя, центра его наместничества. Его интерес к определенным общественным слоям также окрашен его личностью. Так, судебские вообще и особенно судьи вила постоянно фигурируют на страницах «Истории», и это объясняется тем, что сам Никита был судьей вила. Попробую показать, какие перспективы может сулить изучение таких косвенных сведений.

У книга о Мануиле I посвящена неожиданным образом Андронику Кондостефану: его победе над венграми в 1167 г. (Nik. Chon., 194—206), походу на Дамиету в 1169 г. (р. 208—219) и столкновению с венецианским флотом в 1171 г. (р. 222—226). Образ Андроника выписан с явным сочувствием и прямо противопоставлен образу Мануила I. Само по себе сочувствие к Кондостефану не было бы удивительным, но если учесть, что земельные владения Кондостефанов находились как раз в районе Меандра⁹, связь между Хониатом и этой аристократической фамилией приобретает особую окраску.

Первая часть книги завершается характеристикой личности Хониата (стр. 51—55). Если биография историка представляется мне вполне добротной и надежной, то эта завершающая характеристика выглядит поверхностной и весьма спорной. Заслуга ван Дитена в том, что он, никак не идеализируя Хониата, тем не менее отвергает негативные оценки Никиты как бесчестного лицемера, типичные для XIX столетия, — однако собственные суждения ван Дитена, скажем мягко, не исчерпывают проблемы. Дело не только в том, что ван Дитен не ставит вопрос о социальной принадлежности и социальных интересах писателя, — и в этом отношении его очерк значительно уступает вышедшей в то же время работе Ф. Тиннефельда¹⁰, — прямые оценки взглядов Хониата у него односторонни и неточны. Так, на стр. 53 ван Дитен подчеркивает, что Хониат не был «гражданином мира» и что варвары оставались для него варварами. Но достаточно сравнить описание II крестового похода у Киннама и у Хониата, достаточно вспомнить его преклонение перед Фридрихом I Барбароссой, чтобы понять, насколько Хониат отличался от подавляющего большинства византийцев своей широтой и терпимостью к «варварам». Рисуя Хониата глубоко верующим и даже суеверным человеком (стр. 55), ван Дитен не замечает, как религиозность (традиционная религиозность) Хониата бывает прорвана скепсисом, сомнениями, терминологическими вольностями. Я бы сказал, подводя итоги первой части книги, что если внешняя биография Хониата представлена ван Дитеном почти исчерпывающим образом, то характеристику историка, его мировоззрения и его литературного таланта еще предстоит дать.

Сильные стороны творчества ван Дитена — обстоятельность и тщательность — проявляются особенно отчетливо во второй части книги, где он последовательно комментирует 18 речей и 11 писем Никиты Хониата. Всякий раз указывается рукописная традиция, издание и литература, описывается содержание памятника, даются его интерпретация и датировка, после чего следует реальный комментарий к отдельным пассажиам. С присущей ему осторожностью ван Дитен рассматривает вопросы датировки, сплошь и рядом пересматривая традиционные даты византийской истории конца XII и начала XIII в. В частности, исследование ван Дитена заставляет по-новому предстать исследовательность ряда событий византино-болгарских и византино-сербских отношений конца XII в.

Он показывает, что осада Константинополя Алексеем Враном могла иметь место не ранее апреля 1187 г. (стр. 75), отвергая в связи с этим предложенную И. Дуйчевым датировку начальных событий восстания болгар против Византии. Он относит победу над сербами при Мораве, вопреки утвердившемуся мнению, к 1192 (или в 1191).

⁸ См. например: С. П. Карнов. Сочинения Никиты Хониата как источники по истории Трапезундской империи. — «Сборник научных работ аспирантов Исторического факультета «Проблемы всеобщей истории» (МГУ, вып. 3). М., 1971, стр. 134.

⁹ A. Carile. Partitio terrarum imperie Romaniae. — «Studi veneziani», 7, 1965, p. 218. Ср. комментарий — *ibid.*, p. 246.

¹⁰ F. H. Tinnefeld. Kategorien der Kaiserkritik in der byzantinischen Historiographie. München, 1971, S. 158—179.

а не к 1190 г. (стр. 85). Он датирует мятеж Иоанна Комнина Толстого 1200 г. (стр. 127), а не 1201 г., как было принято до последнего времени¹¹. Таких поправок много.

Отмечу несколько неточностей в комментарии ван Дитена.

Стр. 89. Феодора Комнина, вдова Андроника Лапарды, названа племянницей Мануила — она была, видимо, внучкой его сестры.¹²

Стр. 130. Мануила Камица ван Дитен считает племянником царя. Ἐξάδελφος, как он именуется в леммах речей Хониата, может означать и двоюродного брата.

На печати Мануил назван ἑξάδελφος по материнской линии государя Комнинодуки, т. е. Исаака II или Алексея III¹³. Он, видимо, был сыном Константина Камица и Марии Комниной, тетки Исаака II и Алексея III.

Стр. 139. Ван Дитен утверждает, что Димитрий Торник назван логофетом дрома уже в грамоте 1188 (ММ, VI, р. 123. 16—17). Это двойное недоразумение: во-первых, в цитированной грамоте назван не Димитрий, а Константин Торник — его сын. Во-вторых, грамота датирована декабрем VII индикта и может быть отнесена как к 1188, так и, скорее, к 1203. Ж. Даррузес предпочитает вторую дату¹⁴.

В некоторых случаях следовало бы пополнить библиографию. Так, на стр. 90 опущена основная работа по генеалогии Ангелов: Г. Острогорский. Возвышение рода Ангелов.—«Юбилейный сборник Русского археологического общества в Королевстве Югославии». Белград, 1936. На стр. 105, говоря о Евфросинии, жене Алексея III, следовало бы отослать не к старой книге Дюканжа, а к монографии: D. Polemis. The Doukai. London, 1968, р. 131. Речь Никиты к епископу Филиппополю рассмотрена в статье: W. Hecht. Byzanz und die Armenier nach dem Tode Kaiser Manuel I. (1180—1196).— Вуз., 37, 1967 (1968), р. 70—72.

Принципы составления комментария не бесспорны. Если в нем отсутствуют указания на скрытые цитаты и параллельные места в сочинениях Никиты, то этого можно ожидать в подстрочном критическом аппарате к тексту. Однако отсутствие комментария литературного характера вряд ли оправдано. Ван Дитен ограничивается по существу реальным комментарием, в котором иной раз можно заметить пропуски.

Так, в VII речи говорится о пребывании Алексея Ангела в Тарсе, Аназарбе, Антиохии — место, которое заслуживало бы пояснения. Еще более досаден пропуск в комментарии к IX речи, где Хониат упоминал тавроскифов ἐκ Βορδόνης: загадочные выходцы из Вордоны-Бордоны истолковываются в нашей литературе обычно как бродники¹⁵.

В книге разбросано много намеков на новое истолкование структуры и характера «Истории» Хониата. Они возбуждают жадное любопытство, но говорить об этих построениях и идеях ван Дитена нужно будет, вероятно, уже в связи с выходом нового издания этой книги, которое, без сомнения, с благодарностью примут все византисты.

А. К.

Codices graeci Bibliothecae Vaticanae selecti, temporum locorumque ordine digesti, commentariis et transcriptionibus instructi.

Edidit Henrica Follieri (Exempla scripturarum, IV). Apud Bibliothecam Vaticanam, 1969

Альбом Э. Фольери продолжает традицию выходившего двумя изданиями (в 1910 и 1929 гг.) альбома P. Franchi de' Cavalieri — I. Lietzmann, Specimina codicum graecorum Vaticanorum; он включает образцы датированных и локализованных греческих рукописей Ватиканской библиотеки IV—XVI вв. Альбом состоит из 70 таблиц, на которых представлены 69 рукописей, и отдельной тетради (111 стр.) с описанием рукописей и транскрипцией текста. Материал расположен в следующем порядке.

I. Рукописи, написанные маюскулом (унциалом) и относящиеся к IV—X вв. (табл. 1—11). Здесь представлены знаменитые рукописи, не раз досконально изучавшиеся и издававшиеся: Ватиканский кодекс Библии (сер. IV в.), «Римская история»

¹¹ Так датировал и я — вслед за А. Гейзенбергом. См. А. П. Каждан. Никифор Хрисоверг и Николай Месарит. — ВВ, 30, 1969, стр. 96. Верная дата дана уже Ж. Даррузесом (J. Darrouzès. Les discours d'Euthyme Tornikès (1200—1205).—REB, 26, 1968, р. 51) в работе, не использованной ван Дитеном.

¹² L. Stiernon. Théodora Comnène et Andronic Lapardas, sébastes. — REB, 24, 1966, р. 89 sq.

¹³ V. Laurent. Les bulles métriques dans la sigilligraphie byzantinés. Athènes, 1932, № 319.

¹⁴ J. Darrouzès, in: Georges et Démétrios Tornikès. Lettres et discours. Paris, 1970, р. 34.

¹⁵ См. в последнее время: М. Ф. Котляр. Русь на Дунаї.—«Україн. істор. журнал», 1966, № 9, стр. 19.